

УДК 343.221

DOI 10.21661/r-552097

Е.Л. Либензон

ФОРМЫ УЧАСТИЯ НЕСКОЛЬКИХ ЛИЦ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: в статье раскрывается юридическая природа соучастия в преступлении, раскрываются объективные и субъективные признаки соучастия, дается характеристика соучастия, рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются практики при разрешении проблематики уголовно-правового регулирования совместного участия в преступлении, в том числе наличия в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ, дается правовая оценка правомерности установления ответственности за отдельные виды действий соучастников, уголовная ответственность которых представлена в качестве самостоятельных составов преступлений.

Ключевые слова: соучастие, преступление, признаки, проблемы, исполнитель, соисполнитель, организатор, пособник, подстрекатель, роли, деяния, классификация форм.

E.L. Libenzon

FORMS OF PARTICIPATION OF SEVERAL PERSONS IN THE COMMISSION OF CRIMES

Abstract: the article reveals the legal nature of complicity in a crime, reveals the objective and subjective signs of complicity, gives a description of complicity, examines the main problems that practitioners face in resolving the problems of criminal law regulation of joint participation in a crime, including the presence in the norms of the Special Part of the Criminal Code RF, provides a legal assessment of the legality of establishing responsibility for certain types of actions of accomplices, whose criminal liability is presented as independent offenses.

Keywords: *complicity, crime, signs, problems, performer, co-performer, organizer, accomplice, instigator, roles, acts, classification of forms.*

Юридическую природу совместного участия в преступном деянии уголовно-правовая наука рассматривает спорно и противоречиво. Расхожие представления при определении видов, а также форм совместного участия, неясности и погрешности при определении ролей соучастников преступного деяния оказывают неблагоприятное воздействие на судебную практику при определении уголовно-правовой квалификации преступления.

С наличием возникших проблем в правоприменительной деятельности при определении видов и форм совместного участия, влияющих на индивидуальность уголовной ответственности, в данной статье необходимо рассмотреть понятие совместного участия в преступлении в его классификации по видам и формам для способствования более точной правовой оценки.

Существуют неоднозначные взгляды на юридическую природу соучастия. Одна из основных позиций – акцессорная точка зрения означает, что среди участвующих в исполнении преступления центральной фигурой выступает исполнитель.

Согласно другому воззрению, соучастие признано самостоятельной формой преступления.

Содержание ст. 33 УК РФ [1] дает основания утверждать, что законодатель склонен к акцессорной точке зрения соучастия, признав ключевой фигурой исполнителя, так как условия наступления ответственности соучастников уголовного деяния может быть лишь при посягательстве, а также достижения преступного умысла в результате действий исполнителя.

Таким образом, по акцессорной теории привлечение к уголовной ответственности организатора, пособника, подстрекателя зависит от результата действий исполнителя.

Подобную позицию высказывает М.И. Ковалев.

Раскрывая юридическую сущность соучастия в преступлении, следует отметить, что законодатель определил исполнителя, как основную фигуру (главное

лицо), ибо без него исключается наступление желаемого противоправного результата. Законоположениями РФ установлена умышленная направленность на совершение преступления в соучастии, в котором признано участие двух и более лиц (ст. 32 УК РФ) [1].

В данном понятии сформулированы основные признаки соучастия, отражающие основную концепцию уголовного законодательства Российской Федерации.

Примечательна ситуация наступления уголовной ответственности за соучастие в преступлении подстрекателя либо организатора, если исполнитель на последней стадии реализации преступных намерений передумал и отказался от противоправных действий (испугался ответственности, одумался, раскаялся и пожалел, что ввязался в нехорошую историю и т.д.), не начав реализацию преступного умысла.

Видится, что в данном случае ответственность отдельного лица индивидуализируется при отсутствии признаков совместного участия в преступлении, поскольку на решающей стадии действия лица перестали носить двусторонний характер и, соответственно, утратилась повышенная общественная опасность. При этом другое лицо, находясь в неведении относительно отказа исполнителя от преступных умыслов, продолжает сознавать и желать наступления преступных последствий.

Впрочем, законодателем обоснованно признано совместное участие в преступлении, как представляющее повышенную общественную опасность, наряду с ужесточением законодательства за соучастие должна присутствовать справедливость при применении норм уголовного закона и наказания.

Разрешение типичных задач несет важный результат в разрешении понятия совместного участия, для чего необходимо более подробно рассмотреть признаки соучастников преступного деяния.

Рассмотрение данного вопроса следует начать с простых элементов, проявляющихся в количественных и качественных признаках.

Признак количественный проявляется в участниках преступного деяния более одного лица. Наряду с этим обязательным условием наступления уголовной ответственности каждого конкретного соучастника преступного деяния необходимо обладание лицом признаками, присущими субъекту преступления: наступления возраста уголовной ответственности, вменяемости.

Иными словами, при совершении преступного деяния в совместном участии и двух лиц, одно из которых не обладает признаками субъекта преступления, количественный признак будет отсутствовать, что, соответственно, исключает совместное участие в уголовно-правовом значении.

Признак качественный выражается при участии в преступлении субъектов совместно для достижения преступной цели.

Данный признак характерен согласованностью действий лиц, объединением и направлением усилий на совершение преступления, согласно отведенной роли каждого: исполнителя, пособника, подстрекателя, организатора, при этом их совместные действия в конечном итоге будут оцениваться по преступному результату (смерть потерпевшего, разбой, грабеж, хищение и т.д.)

Наступивший преступный результат вследствие направленных на его достижение согласованных действий соучастников будет характеризовать совместность деяния лиц.

Иначе говоря, совместные и согласованные действия соучастников находятся в причинной связи с результатом преступного деяния. Наряду с этим, наиболее важной составляющей причинной связи в достижении преступного результата являются действия исполнителя.

В виду этого, следует уделить внимание объективной стороне совместного участия в преступном деянии несмотря на то, что эти признаки подробно отражены в ст. 33 УК РФ [1].

Во-первых, взаимосогласованность соучастников, действия которых направлены на достижение противоправного результата вне зависимости от предназначения и деятельности каждого. В конечном итоге всё сводится к оказанию помощи и содействию исполнителю либо исполнителям.

Поэтому перечисленные в названной статье УК РФ виды соучастников применительно к оконченному составу преступного деяния образуют единство целого. Иначе говоря, действия одного лица дополняют действия другого лица в достижении преступного результата. Соответственно законодатель установил ответственность соисполнителей, что они несут ответственность как за свои конкретные выполненные действия, так и за результат совместно совершенного деяния.

Таким образом, специфика объективной стороны при совместном участии состоит в причинной связи совместных и согласованных действий участников преступного деяния и самого конечного факта совершенного преступного деяния.

Такое положение имеет значение для квалификации содеянного, установления объема обвинения каждому участнику преступлений, а также ответственности каждого по соответствующим статьям УК РФ.

Субъективные признаки соучастия в преступном деянии выражаются в осознании каждым конкретным участником преступного деяния своей совместной деятельности с иными лицами, направленной на достижение преступного результата. Равно как осознание того, что действия остальных участников охвачены подобным единым умыслом и общими намерениями на совершение преступного деяния.

Субъективный признак соучастия логически выражается в умышленных действиях виновного лица в виде психологического процесса.

Таким образом, субъективный признак включает в себя следующие составляющие: личный умысел конкретного лица, направленный на совместное участие в преступлении; осознание согласованности действий, направленных на совершение преступления и понимание, что остальные участники также осознают свое участие в совершении данного преступления и действуют для достижения преступного результата.

Информированность об иных участниках с учетом распределения ролей при совместном соединении усилий, которые направлены на совершение

преступного деяния, путем оказания помощи и взаимного содействия в целях облегчения в достижении преступного результата будет являться характеризующим признаком в определении квалификации содеянного каждым соучастником применительно к тому или иному составу преступления.

Субъективная оценка каждого участника преступления выражается в понимании как личных общественно-опасных деяний, так и деяний других участников, действия которых направлены на достижение общественно-опасного результата. Иначе говоря, понимание, что их противоправные действия взаимосвязаны и действия отдельного лица способствуют совершению преступления другим лицом, вместе с тем, действия одного лица дополняют действия другого лица. Этим обстоятельством характеризуется волевое отношение соучастников в зависимости с отведенной ролью каждого к совершаемому противоправному деянию.

Волевое соотношение характерно сознанием всех участников преступного деяния: организатора, подстрекателя, пособника, а также оказания ему содействия при достижении преступного результата, что свидетельствует об умышленном характере совместных действий всех соучастников.

Цели и мотивы могут быть не одинаковы. К примеру, когда при заказном убийстве заказчик движим чувством мести, но при этом деяния исполнителя продиктованы корыстным мотивом.

Необходимо выделить, что действия нескольких лиц, совершивших преступное деяние по неосторожности, не будет образовывать соучастия, так как законом (ст. 32 УК РФ) [1] прямо указано на исключительно умышленный характер деяний.

При определении категории согласованности лиц соучастие бывает как по предварительному сговору, так и без предварительного сговора. По предварительному сговору соучастие характерно заранее согласованным намерением лиц на участие в преступлении, договорившихся о способе, времени, месте совершения преступления.

При втором случае умысел участников на совершение преступного деяния возникает внезапно, прямо перед совершением или во время совершения преступного деяния и между возникшим умыслом и его реализацией предшествует существенно короткий промежуток времени.

В данных случаях законодатель разделяет преступное деяние при соучастии на простые, а также сложные, при этом в простом соучастии отсутствуют распределения ролей, и каждый участник выполняет роль исполнителя. Сложное соучастие характерно предварительным сговором группы лиц (ч. 2 ст. 35 УК РФ [1]), которые своими действиями способствуют и содействуют исполнителю при доведении до конца преступления как в первом, так и во втором случае соучастия в преступном деянии вина участников должна быть индивидуализирована с учетом роли, деятельности каждого участника и наступлением общественно опасных последствий.

Подводя итог изложенному следует сказать, что в правоприменительной практике субъективные и объективные признаки в виде совместного умышленного участия в преступном деянии двух и более лиц, характером совместной деятельности соучастников преступления, наличия умысла у каждого по отношению к совершаемому деянию, взаимной осведомленности относительно совершенного противоправного деяния, способствования исполнителю в совершенном преступлении имеют важное значение для установления ответственности, а также для определения соответствующего наказания.

Изучение соучастия в преступлении, как преступного деяния, представляющего повышенную общественную опасность, обусловлено противодействием таким преступлениям, так и правильной уголовно-правовой оценкой преступной деятельности, неотрывно связанной с вопросами справедливого и обоснованного наказания.

Классификация форм совместного участия в преступной деятельности отражена в статье 35 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], где сформулированы характеристики совместного участия, соотносимые с универсальным

понятием статьи 32 УК РФ [1], распространяющимися на все виды совместной преступной деятельности.

То есть основным условием характерным для всех форм совместного участия, проявляется соучастие двух и более лиц при совершении умышленного преступления. Соучастие в преступном деянии в любой форме предусматривает присутствие субъективной и объективной стороны.

Представленные статьей 35 УК РФ классификации форм совместного участия расположены в порядке возрастания форм общественно-опасных способов совершения преступного деяния. Часть первая названной статьи показывает преступление при совместном участии без предварительного сговора, что указывает на умысел, возникший прямо перед совершением преступного деяния, как изложено в вышеуказанном примере настоящей статьи.

Такое совместное участие в преступном деянии характерно меньшей опасностью при сравнении с остальными формами совместного участия. Наряду с этим наказание главным образом будет зависеть от тяжести совершенного преступного деяния и выводов суда при оценке обстоятельств, установленных статьей 63 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ №29 от 27.12.2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [2] указано, что при совершении указанных преступлений группой лиц без предварительного сговора содеянное следует квалифицировать по ч. 1 соответствующих статей особенной части УК РФ. При этом вынося приговор с учетом положений части 1 статьи 35 УК РФ, суд может признать совершение преступления в группе лиц без предварительного сговора отягчающим наказанием обстоятельством в соответствии с п. «в» ст. 63 Уголовного кодекса РФ. Тут следует сказать, что на основании части 1 названной статьи суд может признать отягчающие обстоятельства с учетом личностных характеристик отдельных соучастников, степени общественной опасности при совершении преступления, влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, наличие обстоятельств,

отягчающих наказание, в чем отражен принцип индивидуализации наказания при совместном участии.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, предусмотренное ч. 2 ст. 35 УК РФ, не имеет других признаков, отличаясь от предшествующей формы наличием договоренностью совместных исполнителей на совершение преступного деяния.

В судебной практике квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» свойствен многим составам преступлений в качестве отягчающего наказания. При этом повышенная общественная опасность определяется наиболее скоординированной подготовленностью к реализации преступного умысла, и в соответствии с частью 1 п. «в» статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации является обстоятельством, отягчающим наказание.

Исходя из количества участников преступного деяния, имеется возможность распределения ролей, разная степень участия отдельного соучастника, однако для достижения преступного умысла, действия всех соучастников квалифицируются соответствующим составом Уголовного кодекса Российской Федерации.

Наиболее значимую общественную опасность представляет преступление, совершенное организованной группой, если совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Законодательно эта форма соучастия отражена в ч. 3 ст. 35 УК РФ, в которой указанные количественные варианты совершения одного или несколько преступлений вместе с тем представляют единую форму.

По смыслу изложения данной статьи усматривается обязательное наличие инициатора по ее организации, то есть организатора в составе такой группы. Как и в остальных формах совместного участия, все участники такой группы должны обладать объективными и субъективными признаками. В отличие от предыдущих форм участия данная форма предполагает повышенную степень

организованности и подготовленности, поэтому законодателем установлена ответственность за образование и руководство преступной группы по ч. 5 ст. 35 УК РФ.

Содержанием этой нормы определена уголовная ответственность участников как исполнителей этой организационной преступной группы (ОПГ) уже на стадии приготовления к совершению преступления, так и участия в преступлении, предусмотренном особенной частью уголовного закона.

Выделена роль организатора, создавшего преступную группу, как при подготовке и совершения общеуголовных преступлений, так и в случаях, предусмотренных ст. 205¹, 208, 209, 210 и 282¹ Уголовного кодекса РФ.

Для данной формы совместного участия возможны не только распределения ролей по объективным и субъективным признакам, но и наиболее тщательная организация и подготовленность.

Вместе с тем, каждый участник ОПГ должен сознавать свою причастность, внося свой личный вклад для достижения преступного умысла.

По мнению В.С. Комиссарова независимо от времени вступления в организованную преступную группу участника, он становится ее членом, является соисполнителем и несет такую же юридическую ответственность.

Такая точка зрения представляется обоснованной ввиду наличия объективных и субъективных признаков, выражающихся в понимании участником преступного сообщества своей причастности к организованной преступной направленности группы под единым руководством.

Изложенные положения в п. 6 ст. 35 УК РФ устанавливают уголовную ответственность за совершение действий по созданию ОПГ, расценивая эти действия как приготовление к преступным деяниям, для совершения которых преступная группа организована.

В случае совершения преступлений ОПГ с учетом указанных квалифицирующих признаков ответственность наступает для всех ее членов по признакам более опасной формы. Наряду с этим в самостоятельные составы особенной части УК РФ выделены организация преступной группы, как оконченный состав

преступного деяния с момента ее создания (ст. 205¹, 208, 209, 210 и 282¹ УК РФ). Обращает внимание, что такой признак, как организация преступной группы, является определяющим для квалификации деяния, иначе при отсутствии такого признака ответственность соучастников по соответствующим статьям особенной части УК РФ будет предусматриваться при менее опасных формах (части 1 или 2 статьи 35 УК РФ), в зависимости от наличия либо отсутствия признака, определенного п. 3 ст. 33 УК РФ.

Наиболее опасную форму совместного участия представляет форма преступного сообщества, признаки которого отражены в п. 4 ст. 35 УК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. №12 г. Москва «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [3] даны разъяснения об обладании преступным сообществом более сложной внутренней структурой, деятельность которого может совершаться в виде структурированной организованной группы или в форме объединенных в этом сообществе ОПГ, осуществляющих свою деятельность под единым руководством. Входящая в состав преступного сообщества структурированная группа включает в себя несколько обособленных групп, состоящих из двух и более лиц с распределением ролей и обязанностей в порядке подчиненности.

Элементы структурированности объединения преступных групп, иерархии подчиненности под единым руководством, в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой, или иной материальной выгоды, указанной в ч. 4 ст. 35 УК РФ, представляют наиболее опасную разновидность формы совместного участия в преступной деятельности.

С учетом перечисленных оснований, определяющих организацию преступного сообщества, каждый участник этой деятельности несет ответственность за свою причастность к нему, исходя из особенностей субъективных признаков, выражающихся в осознании общих целей и преступной направленности.

По поводу количественного признака преступного сообщества в правовой литературе отсутствует единое мнение, и немногие авторы высказывают мнение о необходимости его законодательного установления в статье 35 УК РФ.

Однако представляется, что такое установление создает больше сложностей, поскольку сформулированные положения в статье 32 УК РФ имеют универсальное выражение всех форм совместного участия, проецируемого на общую и особенные части УК РФ. Сама организация преступного сообщества представлена самостоятельным составом, даже образование которого является окончанным составом преступного деяния, при этом ответственность участников преступного сообщества за совершение конкретных преступных деяний решается с учетом отягчающих обстоятельств, установленных п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ и в каких-либо дополнительных установлениях, не нуждается.

Равнозначно предыдущей форме окончанным составом преступного деяния для квалификации действий совместных участников преступного сообщества по ст. ст. 282¹, 210, 209, 208, 205¹ УК РФ будет являться момент ее создания.

Изучение совместной преступной деятельности, как наиболее опасного сложного вида, имеет важное значение для уголовно-правовой оценки в назначении справедливого наказания, так и эффективного противодействия преступной деятельности.

Согласованность соучастников в преступлении законодатель определил в видах и формах совместного участия, в которых закреплены признаки по степени возрастающей общественной опасности.

Выше в статье изложены элементы, проявляющиеся в количественных и качественных признаках, приведено содержание ст. 32 УК РФ, где количественный признак проявляется в совместном участии в преступлении нескольких (двух и более) лиц.

Вместе с тем, в литературе высказывается другая позиция по отношению количественного состава соучастников преступного сообщества. Так, А.Г. Мондохорова выражает точку зрения, согласно которой преступное сообщество может образовываться численностью соучастников не менее четырех человек.

Такая позиция обосновывается признаками структурированности преступного сообщества, как обязательного признака данной формы совместного участия, предполагающей не менее двух структурных подразделений, в каждом из которых находится не менее двух участников [4].

По этому поводу высказался А.К. Субачёв [5], выражая свое мнение о состоятельности такой теории, ссылаясь на общие положения о совместном участии, статью 32 УК РФ и положения ч. 4 ст. 35 УК РФ, выступающей в качестве специальной нормы по отношению к ней.

Рассматривая эту проблему, представляется, что теория А.Г. Мондохоновой, подменяя основополагающие принципы ст. 32 УК РФ установлением предложенных положений, усложнит саму задачу признания преступного сообщества. Предлагаемое увеличение численного состава преступной группы в данной форме совместного участия при недостатке только одного количественного признака, создает возможность переквалификации их действий на менее опасные формы. Деятельности таких сообществ, как правило, свойственно обладание материальными и финансовыми ресурсами, обладание атрибутами преступной деятельности, координация действий, сплоченность, подготовленность, повышенная конспирация, поддержка соучастниками друг друга не только внутри группы, но и помощь других групп в планировании и достижении преступных целей, в связи с чем количественный признак, установленный законодателем в ст. 32 УК РФ, представляется достаточным и обоснованным.

Проблема качественной характеристики соучастников в юридической литературе больших споров не вызывает. Однако, некоторые ученые высказывают мнение о совершении преступления субъекта преступления совместно с лицом, не являющимся таковым, при этом действия субъекта все равно подлежат квалификации как групповое преступление. Примеры судебной практики также свидетельствуют о неоднозначном подходе решений этих вопросов, что порождает дискуссии и различные мнения.

Согласно п.п. 8–11 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 г. №29, группу лиц по предварительному сговору следует вменять только в случае привлечения к уголовной ответственности не менее двух лиц [2].

Другой пример свидетельствует об обратном. Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 01.06.2010 г. по делу №81-д-10–11, подтверждена законность квалификации действий Васильева по п. ж ч. 2 ст. 105 УК РФ, как совершение группой лиц, невзирая на то, что действовавший совместно с ним Щ. был признан невменяемым «...поскольку указанные последствия причинены потерпевшему совместными действиями Васильева и Щ, который освобожден от уголовной ответственности в связи с невменяемостью, действия осужденного правильно квалифицированы как совершенные группой лиц [6]. Подобные ситуации порождали еще больше дискуссий в научной литературе и соответственно увеличивает вопросы в правоприменительной практике. О.А. Капинус в своей работе «Актуальные проблемы уголовного права. Курс лекций» указывает, что «Пленум Верховного Суда Российской Федерации изменил свою позицию, правильно разъяснил судам, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия» [7].

Среди ученых юристов можно отметить два подхода квалификации совместного участия, совершенным с лицом, не являющимся субъектом. Например, Г.А. Есаков отмечает, что коль скоро ст. 32 УК РФ не содержит качественных признаков лиц совместного участия, то, несмотря на отсутствие субъекта, наличествуют все признаки исполнения совместного участия в преступлении [8]. Г.А. Есаков основывается на сговоре и возможной односторонней связи субъекта с лицом, не являющимся таковым. В данном случае Г.А. Есаков высказывается о наличии ошибок со стороны субъекта относительно вменяемости и возраста привлечения к уголовной ответственности других лиц в совместном участии [8].

Такая позиция подвергается критике учеными А.В. Бриллиантовым, Н.В. Димченко, А.П. Козловым, основываясь на содержании, данном в ст. 32 УК РФ, согласно которой установлена только умышленная форма вины, которая в соответствии с азбучными понятиями уголовного права свойственна только субъекту преступления.

Выше сделан акцент на уголовно-правовом анализе действий соучастников по наступившему преступному результату. При этом ряд ученых высказываются о необходимости учитывать индивидуальный умысел каждого соучастника.

В своих работах П.Ф. Тельков отмечает о включении в умысел соучастника осознание общественной опасности не только собственного деяния, но и совместного деяния других лиц в достижении преступного умысла.

В связи с этим вполне справедливо мнение А.В. Шеслера, что совместное участие в преступлении обязательно предполагает совместный умысел соучастников, то есть наличие между ними определённой субъективной связи.

Из практики рассмотрения уголовных дел Томского областного суда следует, что постановлением президиума от 25.12.2013 г. по делу №44 У-285/2013 установлено, что по смыслу ст. 32 УК РФ осведомленность соучастников о совместной деятельности должна быть двусторонней [9]. В связи с чем, судом было исключено из приговора указание на совершение А. преступления совместно с иным лицом.

Выше уже отмечалось, что действия всех соучастников преступления должны оцениваться по окончательному преступному результату, как единого преступного организма. При этом принцип с учетом характера и степени фактического участия отражен в ч. 1 ст. 34 УК РФ. Имеется ввиду, в каком качестве действовало лицо при совершении конкретного преступления.

Степень фактического участия подразумевает объем вклада и личных стараний в достижении результата общей преступной деятельности.

Указанная норма закона соотносима с положением ч. 1 ст. 67 УК РФ и при установлении указанных обстоятельств учитывается при назначении наказания. Тем самым законодательно определена индивидуализация наказания для

каждого участника совместной преступной деятельности, которое исключает равнозначно оценивать ответственность с другими участниками преступления. То есть индивидуализация наказания реализуется с учетом квалификации содеянного и самостоятельной ответственности каждого участника с учетом вышеприведенных обстоятельств. Индивидуальный характер именно на основании изложенных требований отражен в ч. 2 ст. 67 УК РФ о смягчающих или отягчающих обстоятельствах при назначении наказания. Это не означает, что такое смягчение, либо ужесточение наказания будет касаться других соучастников, поскольку речь идет об индивидуализации действий каждого.

Выше рассматривался пример простой формы совместного участия, когда исполнитель отказался от выполнения задуманного соучастниками преступления, а в другом случае совершил преступление, не предусмотренное умыслом других соучастников. В первом случае ответственность соучастников наступает в соответствии с достигнутым преступным результатом, а в другом, содеянное признается эксцессом исполнителя, при котором на основании ст. 36 УК РФ другие соучастники преступной деятельности уголовной ответственности не подлежат.

Изучив содержание ч. 4 ст. 35 УК РФ, раскрывающую понятие преступного сообщества (преступной организации), члены которой объединены для совершения тяжких, либо особо тяжких преступлений для получения финансовой или иной материальной выгоды, можно сделать следующие выводы.

Представляется, что трактовка ч. 4 ст. 35 УК РФ относительно деятельности преступного сообщества, организованного только для получения финансовой или иной материальной выгоды, требует расширения по следующим причинам.

Деятельность преступного сообщества предполагает различную направленность и ситуацию, требующую точной правовой оценки. Безусловно, такая деятельность преступного сообщества в той или иной степени требует финансового обеспечения и затрат, однако как внешнее, так и внутреннее выражение деятельности соучастников преступного сообщества не обязательно может проявляться

в достижении преступных результатов для получения выгод финансового и материального характера.

Так, известны случаи создания устойчивых преступных сообществ, отвечающих всем признакам, установленным ч. 4 ст. 35 УК РФ, цель которых состояла в совершении тяжких либо особо тяжких преступлений, направленных против жизни и здоровья граждан на национальной, религиозной, расовой и политической ненависти, действовавших по личным внутренним убеждениям, не предусматривающих целей получения материальных и финансовых выгод.

Хотя перечисленные обстоятельства отдельно предусмотрены п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельств, отягчающих наказание, однако мотивация деятельности преступного сообщества – получение прямо или косвенно финансовой, или материальной выгоды – изложенная в ч. 4 ст. 35 УК РФ дает основание к исключению других мотивов, не предусмотренных данной статьей и соответственно влечет не признание преступного сообщества таковым.

Таким образом, напрашивается вывод, что при отсутствии мотива финансовой или иной материальной заинтересованности в деятельности преступного сообщества, положение ч. 4 ст. 35 УК РФ в подобных случаях не применимо.

В связи с чем, исключение из ч. 4 ст. 35 УК РФ мотивов осуществления деятельности преступного сообщества «для получения прямо или косвенно финансовой, или иной материальной выгоды» позволит применение более широкого толкования мотивов осуществления преступной деятельности.

Рост организованных и иных групповых преступных посягательств обусловлен не только социально-экономическими тенденциями современного уровня жизни общества, но и выступает вызовом криминальных элементов на скачок экономических, финансовых и иных отношений, при отсутствии усиления уголовной ответственности.

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. (ред. от 31.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1352873/#ixzz6OxZe3LLp> (дата обращения: 08.06.2020).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. №12 г. Москва «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)».

4. Мондохорова А.Г. Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества // Уголовное право. – М., 2010.

5. Субачёв А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 01.06.2010 г. по делу №81-д-10–11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=298020

7. Капинус О.А. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / О.А. Капинус. – Проспект, 2019.

8. Есаков Г.А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике / Г.А. Есаков // Уголовное право. – 2011. – №2. – С. 14.

9. Трухин А.М. Соучастник преступления / А.М. Трухин // Уголовное право. – 2006. – №3.

10. Постановление Президиума Томского областного суда от 25.12.2013 по делу №44у-285/2013 // СПС «Консультант Плюс».

References

1. "Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii" ot 13.06.1996 63-FZ (red. (red. ot 31.07.2020)). SPS "Konsul'tant Plus".

2. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 27.12.2002 g. 29 "O sudebnoi praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe". Sistema GARANT. Retrieved from <http://base.garant.ru/1352873/#ixzz6OxZe3LLp>

3. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 10 iunia 2010 g. 12 g. Moskva "O sudebnoi praktike rassmotreniia ugovnykh del ob organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) ili uchastii v nem (nei)".

4. Mondokhonova, A. G. (2010). Voprosy ugovnoi otvetstvennosti za organizatsiiu prestupnogo soobshchestva. Ugolovnoe pravo. -. M.

5. Subachiov, A. K. Institut souchastiia v prestuplenii i ego otrazhenie v normakh osobennoi chasti Ugolvnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii.

6. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo suda RF ot 01.06.2010 g. po delu 81-d-10-11. Retrieved from http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=298020

7. Kapinus, O. A. (2019). Aktual'nye problemy ugovnogo prava: kurs lektsii. Prospekt.

8. Esakov, G. A. (2011). Kvalifikatsiia sovmestnogo soversheniia prestupleniia s litsom, ne podlezhashchim ugovnoi otvetstvennosti: novyi povorot v sudebnoi praktike. Ugolovnoe pravo, 2, 14.

9. Trukhin, A. M. (2006). Souchastnik prestupleniia. Ugolovnoe pravo, 3.

10. Postanovlenie Prezidiuma Tomskogo oblastnogo suda ot 25.12.2013 po delu 44u-285. SPS "Konsul'tant Plus".

Либензон Евгений Леонидович – бакалавр юриспруденции, магистрант ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», Россия, Москва.

Libenzon Evgeny Leonidovich – bachelor of law, master's student of the FSE of HE “University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation”, Russia, Moscow.
